

УДК 159.9

МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО КАК НОВАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.А. Сергиенко

Аннотация

Целью работы является обоснование представлений о модели психического как о новой исследовательской парадигме, которая дает возможность концептуализировать внутренний мир человека, открывая путь к изучению житейской психологии. Анализируются истоки возникновения и предпосылки развития нового подхода в когнитивной психологии. Аргументируется отнесение данной парадигмы к постнеклассическому общенаучному типу. На примере собственных исследований автора с коллегами и новейших результатов, полученных в мировой психологии, показаны новые исследовательские возможности изучения способности понимать ментальный мир у детей и взрослых. Делается вывод о высокой продуктивности новой парадигмы, ее исследовательских возможностях в изучении субъективного мира и социального познания.

Ключевые слова: модель психического, парадигмы в психологии, постнеклассическая научная парадигма, житейская психология, концептуализация, внутренний мир субъекта.

Введение

Понятие парадигмы широко обсуждается в психологической науке [1]. Как отмечает М.С. Гусельцева [2], термин, изначально обозначающий образец, модель, канон научного исследования, в науке приобрел расширительное значение – научная картина мира, включающая методологические и идеологические принципы. В психологии происходит смена парадигм, и «с каждой новой парадигмой в науке добавлялось приращение “мерности” и “когнитивной сложности”» [2, с. 37]. Это – изменение оптики видения проблемы и ее интерпретации.

Классификация парадигм в психологической науке очень различна. Выделяют общие и частные парадигмы [3], методологические парадигмы: объяснительную и описательную, структурную и функциональную, естественнонаучную и гуманитарную [4]. Рассматривая разные основания классификации парадигм, М.С. Гусельцева отмечает, что по предметным областям можно выделить социальную, этническую, культурную психологии. По содержанию – бихевиористическую, психоаналитическую, экзистенциально-гуманистическую и когнитивную. По уровням различают парадигмы мировоззренческие (глобальный, скорее, философский уровень), общенаучные, конкретно-научные, индивидуально-ситуативные. По национальным традициям – американскую, западноевропейскую и российскую. По типу смены рациональности выделены классическая, неклассическая и постнеклассическая парадигмы [2, 5]. Для того чтобы

понять место модели психического как новой парадигмы в психологии, необходимо рассмотреть ее историю и причины возникновения.

Направление «модель психического» известно в зарубежной психологии как Theory of Mind. Модель психического определяется как некоторая система концептуализации знаний о собственном психическом и психическом других людей. Термин “Theory of Mind” заимствован из философии сознания Дж. Фодора [6]. Способность атрибутировать собственные ментальные состояния и ментальные состояния Других предполагает концептуализацию знаний, так как ментальные состояния большей частью непосредственно не наблюдаемы и аналогичны теоретическим допущениям в науке. Представление о ментальных состояниях позволяет предсказывать и объяснять человеческое поведение, то есть концептуальная система, лежащая в основе таких представлений, имеет объяснительную силу аналогичную теории. Это объясняет суть принятого термина – “Theory of Mind”.

Ментальные состояния могут соответствовать реальности или быть далеки от нее, поскольку люди могут верить в то, что в действительности не является правдой. Один из самых важных аспектов модели психического (что и знаменует ее становление) – это понимание, что собственное психическое не тождественно психическому Другого. Поскольку ментальные состояния непосредственно не наблюдаемы, соответственно, допущение, что другие люди имеют ментальные состояния, является умозрительной моделью, которая помогает нам интерпретировать и прогнозировать их поведение.

Таким образом, модель психического – это:

- способность приписывать психические состояния как себе, так и другим;
- способность распознавать психические состояния по их внешним проявлениям в поведении («она улыбается, наверное, ей это нравится»);
- способность связывать эти психические состояния между собой для объяснения и прогнозирования поведения других людей («он думает, что я забыл», «я пошел туда, потому что знаю»).

Модель психического позволяет анализировать внутренний мир человека. Понимание своего психического и психического Другого становится основой социального познания, социального взаимодействия, прогнозирования поведения других социальных объектов. Направление «модель психического» нацелено на изучение спонтанной житейской психологии обыденного сознания. Приведем парадигмальный пример этого направления исследований. Ребенку показывают коробку из-под печенья и спрашивают: «Что находится в этой коробке?» Он отвечает: «Печенье». Коробку открывают – там лежат карандаши. Далее ребенку задают вопрос: «Как ты думаешь, что подумает другой мальчик, если ему показать эту коробку?» Дети до 4-5 лет отвечают, что в коробке находятся карандаши, а с 5-летнего возраста – «Печенье».

Термин «модель психического» точнее, чем другие термины: теория психического, теория сознания, теория распознавания психических состояний, чтение психического. Он передает суть данного подхода: модель понимается как некоторая система концептуализации знаний о своем психическом и психическом других людей.

Когнитивная психология и психология в целом давно испытывают потребность анализа житейской психологии как совокупности интуитивных, спонтан-

ных, обыденных знаний и понимания психического мира. Данная область исследований как раз и открывает эту возможность. За последние 30 лет модель психического стала высокопродуктивной областью когнитивной психологии развития. В 2005 г. работ, выполненных в данной парадигме, насчитывалось более 700 [7], и этот поток только возрастает.

Модель психического – область когнитивной психологии

Модель психического возникла внутри когнитивного подхода. Истоки когнитивной психологии как научной парадигмы коренятся в поведенческой психологии. Традиционно когнитивную психологию интересовали процессы обработки и переработки информации об объекте или событии, ее кодирования и декодирования. В вопросе о природе знаний о мире когнитивная психология, благодаря развитию информационного подхода, представила более полный по сравнению с предшествующим анализ микроструктуры познавательных действий индивида. И в этом состоит закономерное появление информационного подхода как частной парадигмы в когнитивной психологии. Он изменил оптику изучения познания мира человеком. Однако многочисленные данные и модели когнитивной психологии до сих пор остаются разрозненными, а порой и противоречивыми.

Поворотным моментом в когнитивной психологии можно считать развитие экологического подхода в психологии Дж. Гибсона [8], поставившего проблему адекватности восприятия активного субъекта, и работы У. Найссера [9], в которых предпринята попытка обобщения познавательного взаимодействия с его представлениями об «антиципирующей схеме», которая предполагает единство восприятия, действия и когнитивной схемы, объединяющей все познавательные процессы. Ключевым понятием в когнитивной психологии становится репрезентация. Сам термин существовал достаточно давно, но не был включен в обобщающие модели анализа внутреннего ментального опыта человека. Репрезентация означает представленность, отображение для себя, то есть речь идет о внутренних структурах, которые развиваются всю жизнь. Когнитивные репрезентации – это не копии образцов, а обобщенно-абстрактные схемы, включающие способ получения знаний. Понятие ментальной репрезентации становится центральным не только в когнитивной психологии, но и в других областях: психофизиологии, психолингвистике, социальной психологии. Ментальная репрезентация, по сути, выступает вариантом разработки проблемы субъективного образа или проблемы когнитивной функции психического.

Обращение к ментальной репрезентации позволило выделить два способа познания мира: 1) модально-неспецифический, холистический, обеспечивающий целостное и связанное, но приблизительное описание мира, и 2) модально-специфический, аналитический, детализирующий картину мира [10]. В рамках парадигмы ментальных репрезентаций удалось также показать, что когнитивные репрезентации непрерывно развиваются и усложняются, они иерархически организованы. Когда люди объясняют причину событий интуитивно, они не прибегают к строгим научным абстракциям. Житейские знания о мире появляются спонтанно и легко, возникая задолго до осознания. Таким образом, даже в рамках парадигмы ментальной репрезентации стало возможным перейти от базовых

ядерных знаний о мире к проблеме житейской психологии, наметить принципиальные пути познания окружения: холистическое и аналитическое [10].

Другим важнейшим вопросом для понимания, почему модель психического возникла именно в рамках когнитивной парадигмы, становится вопрос сознания и/или разума (mind). Понятие сознания существовало в научной психологии с момента ее возникновения и интенсивно разрабатывалось в разных психологических парадигмах (структурализме, функционализме, психоанализе, когнитивной психологии и др.). Но именно соединение двух понятий – «разум» и «ментальная репрезентация» – дало новый импульс в развитии когнитивного подхода к житейской психологии. Так, традиционная психология не позволяла провести различия между такими ментальными состояниями, как знать, думать и помнить. Для этого следует семантически обозначить данные ментальные состояния, отражающие связь разума с миром. Вслед за А. Лешли [11] обозначим эти репрезентации первичными. Они могут быть верными и ошибочными. По мере развития появляется способность к вторичным репрезентациям, отражающим не вещи в реальности, а то, какими они могут быть. Такие вторичные репрезентации, отделенные от реальности, позволяют нам думать о прошлом, возможном будущем и даже несуществующем, но главное – строить причинные гипотезы.

Без вторичных репрезентаций невозможна метарепрезентация – способность представлять, что кто-то представляет что-то. Ментальное состояние – это внутренний опыт, репрезентация которого необходима для теоретического конструирования объяснения поведения. Концептуализация разума как системы репрезентаций развивается от менталистской теории поведения, в которой ментальные состояния выступают в виде концептов для объяснения действий, к репрезентативной теории разума (Theory of Mind), в которой ментальные состояния служат для понимания, выполняя репрезентативные функции. Следовательно, герменевтический подход оснащается когнитивной психологией, а именно моделью психического, что переводит анализ житейской психологии на новый уровень исследования.

Возникновение модели психического как частной парадигмы в рамках более общей когнитивной парадигмы обусловлено тем, что имеющиеся теории (и в контексте информационного подхода, и в контексте структурного исследования интеллекта) не могли объяснить понимание социальных взаимодействий и воздействий, а также понимание психических феноменов более сложного уровня – психического своего и других людей. Наличие достаточно высокого уровня психометрического интеллекта не согласовывалось с непониманием социальных объектов и социальных событий детьми с расстройствами аутистического спектра. Знание возможностей восприятия, памяти, внимания, мышления не приводило к объяснению феноменов житейской психологии, например, на что опирается человек, строя концепцию поведения Другого, в чем суть таких феноменов, как обман, неверное мнение, убеждения.

Предшественниками направления «модель психического» можно считать три основные области исследований. Первый источник – это теория Ж. Пиаже, который изучал понимание детьми ментального мира. Он прекрасно и глубоко описал дооперационального ребенка как эгоцентричного и склонного к анимизму. Его исследования прямо релевантны модели психического, но были

сконцентрированы в большей степени на оперировании перспективой, чем на концептуальном анализе сознания [12].

Вторым источником становления данного направления стали исследования понимания ментальных слов детьми и их представлений о нарративах, которые важны для понимания детьми историй, эмоций, возникающих у героев, и мотивов их поведения [13]. Исследования в этой области проводились в рамках психолингвистики.

Третьим источником модели психического, который частично пересекается с предыдущим, является развитие теории метапознания. Изучение метапознавательных способностей направлено прежде всего на исследование знаний о задачах, стратегиях, путях решения, процессах принятия решения. Метапознание фокусируется также и на знании способностей проследить собственные когнитивные процессы (внимание, восприятие, запоминание, умозаключение) и управлять ими. Однако метапознавательное направление концентрируется на содержании метакогнитивных знаний и достижений (например, управление запоминанием), тогда как модель психического адресована в первую очередь концептуальному оснащению метапознавательных способностей. Дж Флейвелл указывает на частичное перекрытие и конвергенцию этих двух областей и отмечает их тесную интеграцию [14].

Подчеркнем, что важной характеристикой подхода «модель психического» является сосредоточение на концептуальном анализе. Анализ житейского ментализма как репрезентативной теории сознания (разума) приводит к утверждению, что наши интуитивные психические знания – это знания об отношениях между индивидами и о мире (или знания о репрезентациях индивидуумов о мире). Это означает необходимость знаний второго порядка.

Напомним, Ж. Пиаже считал, что понимание других людей возможно только на стадии конкретных операций, когда дети преодолевают эгоцентризм мышления, не позволяющий представить иную точку зрения, иную перспективу [12]. Однако в большинстве работ показано, что дети в 4 года уже способны понять психические состояния Другого, следовательно, говорить об эгоцентризме мышления дооперационального ребенка сложно [15–17]. В этом случае критика Пиаже сводится к критике описания развития иных аспектов когнитивного развития, опирающихся на становление метакогнитивных структур на уровнях дооперационального и конкретного интеллекта. Таким образом, теория Пиаже является только предтечей новой исследовательской парадигмы: в ее рамках невозможно описать феномены понимания психического мира своего и Другого [18].

Соотношение модели психического и социального познания

Раскрывая суть направления в социальной психологии – социального познания, – Г.М. Андреева [19] проводит четкую дифференциацию между парадигмой изучения восприятия в общей психологии и социального восприятия как части социального познания. Она указывает, что социальное восприятие отличается от исследования перцепции в общей психологии предметом, структурой и представлениями о детерминантах. Так, если перцепция в общей психологии – это изучение когнитивных процессов и условий их эффективности, то социальная перцепция – это восприятие социального объекта: человека или группы.

Следовательно, при смене парадигмы изменяется оптика исследования, хотя когнитивный подход остается ведущим. Г.М. Андреева отмечает, что в общей психологии превалирует процессуальная сторона восприятия (субъект, объект и результат анализируются менее детально), в социальной перцепции субъект и объект представляют главные цели изучения. В общей психологии детерминация перцепции понимается в рамках тех методологических парадигм, в которых она изучается (культурно-историческая, деятельностная, системная и т. д.), для социальной перцепции, а за ней и социального познания детерминация лежит прежде всего в области взаимодействия социальных объектов и групп.

Отличие модели психического от социального познания и социальной перцепции заключается в двух аспектах. Во-первых, в модели психического фокус анализа направлен на внутренние концептуальные возможности понимания своих ментальных состояний и ментальных состояний Другого. Другой человек не рассматривается как часть социальной группы, а выступает лишь как носитель психического. Следовательно, предметом является понимание психического как когнитивной способности понимания ментальных состояний и их последствий, что позволяет предсказывать поведение Других. Таким образом, большее внимание уделяется когнитивной функции субъекта как носителя психического и его организации. «Чтение психического» позволяет увидеть сходство и различие в ментальных моделях ситуации. Так, например, если ребенок хочет пойти в цирк, а его ведут в гости, то он скорее будет испытывать недовольство, чем удовольствие. Если мальчик сломал построенный другим ребенком замок из песка, то ожидаемая эмоция – обида, злость.

Во-вторых, в рамках модели психического изучается в большей степени понимание и распознавание ментальных состояний и их организация в ментальные модели (единичные, ситуативные и внеситуативные). В социальной психологии социальное познание выступает как условие взаимодействия в группе, где учет индивидуальных установок, привычек и каузальных атрибуций становится основой взаимодействий. Дж. Генри с коллегами выделил следующие компоненты социального познания: социальная перцепция, социальное познание, эмпатия, каузальная атрибуция и модель психического [20]. Модель психического можно рассматривать как основу социального познания. Взаимодействие между людьми невозможно без понимания психического состояния Другого (мыслей, убеждений, верований, намерений, желаний, эмоций) и способности смотреть на событие с разных точек зрения: сопоставлять в актуальной ситуации свою модель психического и модель психического другого человека. Именно способность понимать психические состояния помогает людям исследовать окружающий мир и проявлять более продуктивную активность. Внешне наблюдаемые компоненты человеческого поведения составляют лишь малую часть в социальных взаимодействиях между людьми. Человеку необходимо интерпретировать психическое состояние другого человека.

Таким образом, рассматривая модель психического как неотъемлемую часть социального познания, следует указать, что это – частная исследовательская парадигма, изменяющая оптику изучения, фокусирующаяся на индивидуальном концептуальном мире.

Разработка парадигмы модели психического началась с исследований на животных и затем переместилась в область психического развития. Это произошло не случайно, поскольку способность к пониманию психического проходит эволюционный путь от человекообразных приматов; как необходимая базовая способность понимания ментального мира бурно развивается в детском возрасте.

Для оценки модели психического используется батарея задач, которые частично заимствованы из исследований на животных, но в большинстве своем сконструированы исследователями за прошедшие 30 лет реализации данного подхода. Эти задачи направлены на оценку развития разных способностей: понимание простейших правил (видеть – значит знать), неверного мнения, обмана, перспективы, намерений, нарративов, эмоций, «чтение психического» по внешним признакам, распознавание эмоций по глазам и др. Для изучения модели психического взрослых и пожилых людей разработаны иные тестовые материалы. Особый экспериментальный дизайн и создание нового исследовательского материала также свидетельствуют, что модель психического – новая исследовательская парадигма, новая оптика в области социального познания.

М.С. Гусельцева [2] выделяет в современной общей методологии науки три парадигмы: синергетика, постнеклассическая рациональность и постмодернизм. Синергетика – теория самоорганизации – представляет собой междисциплинарную область исследований, направленную на выявление универсальных законов развития и порождения систем. Постнеклассическая парадигма также касается разных наук, она допускает множественность типов рациональности, междисциплинарную толерантность, легитимизацию субъективного опыта, перебрасывая мост между естественнонаучным и гуманитарным знанием. Постмодернистская парадигма знаменует переход от универсальности к уникальности, ориентируясь на герменевтику и гуманитарное знание, принимая множественное видение мира.

Исходя из данной классификации, модель психического как частная парадигма может быть отнесена скорее к постнеклассическому типу общенаучных парадигм. Она родилась на пересечении философии сознания, генетической эпистемологии, когнитивной психологии, сравнительной психологии, клинической психологии, психолингвистики. Субъективные ментальные модели составляют фокус исследований в данной парадигме, в ней пересекаются как естественнонаучные, так и гуманитарные подходы; способности, входящие в модель психического, не только измеряются, но и рассматриваются в рамках нейропсихологии, патопсихологии, нейрофизиологии. Герменевтический принцип в развитии модели психического представляется несомненным. Таким образом, большое число выделенных признаков позволяет отнести парадигму модели психического к постнеклассическому типу методологии.

Результаты, полученные российскими психологами в рамках парадигмы «модель психического»

Несмотря на широкое распространение парадигмы модели психического в зарубежной психологии, к сожалению, данное направление в отечественной психологии разработано очень слабо и представлено фактически несколькими авторами, тогда как продуктивность и научная перспективность этого подхода уже доказана в мировой науке.

В наших работах ставились задачи, разработанные в зарубежной науке (понимание намерений, желаний, неверных мнений, обмана), и оригинальные задачи (понимание эмоций по лицевой экспрессии, экспрессивного и каузального компонентов эмоций, соответствия эмоций и действий, амбивалентность экспрессии эмоций и ситуации, понимание намеренного и ненамеренного обмана, обмана высказанного и по умолчанию, альтруистического и эгоистического, обмана в области знаний, эмоций), разработанные в исследованиях под руководством автора (А.С. Герасимова, Е.И. Лебедева, О.А. Прусакова, Н.И. Колесникова). Изучение ключевых феноменов психического проводилось с использованием мультиметодического обеспечения, что позволяло проверять полученные данные разными методами. Мультиметодический принцип организации отличает наши работы от зарубежных исследований, в которых, как правило, решается одна или несколько задач по модели психического в рамках одного исследования (см., например, [21, 22]).

Другим важным принципом, организующим исследования по пониманию психических феноменов и примененным в нашей работе, стало сравнение вербальных заданий и нарисованных историй. Это, на наш взгляд, обеспечивает надежность и валидность исследований на детях дошкольного возраста. Например, при изучении понимания ситуативной обусловленности эмоций были созданы серии рисованных картинок, содержащих изображение эмоциональной экспрессии в соответствии с ситуацией и их рассогласованием (амбивалентность экспрессии и ситуации). Например, мальчик с мамой сидят за праздничным столом перед тортом в день рождения, а ребенок плачет. Было создано 25 оригинальных заданий для детей разных возрастов и взрослых [21, 23, 24].

Кратко перечислим основные результаты.

1. Была выдвинута теоретическая гипотеза об уровне организации и последовательном развитии модели психического, которая нашла подтверждение в наших экспериментальных исследованиях [21]. Разные экспериментальные исследования на больших выборках детей продемонстрировали высокую конвергенцию результатов, что позволило подтвердить гипотезу об уровне характера развития модели психического.

Результаты изучения модели психического в дошкольном возрасте и у детей младшего школьного возраста показывают, что представления о собственном психическом и психическом других людей в данном возрасте интенсивно развиваются. Многие зарубежные ученые считают, что критический возраст для развития способности понимать психические состояния Другого – 4 года. Во всех наших исследованиях, разных по предмету и методам, мы получили согласованные результаты, которые позволяют выделить и описать два уровня развития модели психического у детей 3–6 лет с типичным развитием.

На уровне агента в 3–4 года начинает дифференцироваться представление, что собственное психическое отличается от психического Другого. Предсказание поведения других людей формируется на основе представлений о последствиях собственного поведения, *но ситуативно и без возможности сопоставления моделей и ментального воздействия на Другого*. На уровне агента модели психического дети 3–4 лет плохо дифференцируют эмоции (положительные и отрицательные), ограничены в понимании намерений других людей и только

начинают предсказывать и объяснять их поведение в простейших ситуациях. На этом уровне дети плохо понимают обман и «белую ложь».

Уровень наивного субъекта предполагает способность сопоставлять разные аспекты ситуаций и их значения для себя и других людей, позволяет детям на новом уровне анализировать человеческие контакты и их смысл, *появляется возможность ментально воздействовать на понимание психического Другого, модель становится ситуативно независимой*. В 5–6 лет дети распознают на одном уровне положительные и отрицательные эмоции. Дальнейшее развитие и усложнение модели психического позволяет детям легко идентифицировать все основные эмоции и понимать их причины, прогнозировать, объяснять и влиять на поведение других людей, опираясь на знания об их ментальных состояниях. Они понимают обман и сами могут обманывать, то есть воздействовать на модель психического Другого, формируя нужное представление. Таким образом, обман возникает как когнитивный феномен и только потом приобретает моральные аспекты [21].

2. Анализ развития понимания ментальных состояний позволил выделить типы моделей:

- единичные, разрозненные репрезентации ментальных состояний у детей 3 лет;
- ситуативные модели у детей 4 лет;
- внеситуативные модели у детей 5–6 лет.

Это позволяет говорить о становлении базовой концептуальной основы модели психического. Ситуативные и внеситуативные модели представляют собой связанную схему своего психического и психического Другого, позволяющую перейти от понимания отдельных явлений ментального мира к объяснению их причинности (в случае ситуативных моделей с опорой на конкретную ситуацию).

3. В исследовании модели психического у детей-сирот показана ее дефицитарность, которая выражается в понимании обмана, эмоций, особенно существенно – в понимании причин поведения других людей на основе их внутренних состояний. Сравнение понимания физического и психического мира детьми-сиротами и детьми-аутистами раскрывает поведенческие последствия «квази-аутизма» или «парааутизма» институализированных детей. Отличия состоят в том, что у детей с расстройствами аутистического спектра нарушения наблюдаются как на базовом, так и на более высоком уровне понимания ментального и физического мира, тогда как у детей-сирот модель психического в большей степени дефицитарна на уровне понимания каузальности, разделения живого и неживого, а модели понимания физического мира сравнимы с типично развивающимися семейными детьми. Депривированные дети, так же как и дети-аутисты, прибегают преимущественно к физической причинности в объяснениях событий, но у детей-аутистов эта тенденция носит тотальный характер [21].

4. Возможности понимания телевизионной рекламы (коммерческая реклама продуктов питания для детей и игрушек, социальная реклама) как социального воздействия сравнивались с пониманием социальных взаимодействий (ребенок – ребенок, ребенок – мама, ребенок – чужой взрослый) у детей 3–6 лет на разных уровнях развития модели психического. Исследования ясно показали, что возможности понимания рекламы и социальных воздействий тесно сопряжены с уровнем развития модели психического [23].

5. Развитие модели психического изучалось во взрослом возрасте (17–45 лет). Поскольку комплексно исследование развития модели психического у взрослых не проводилось, то важно было проанализировать структуру способностей модели психического. Составляющие модели психического (понимание эмоций, обмана, «чтение» психических состояний по глазам) относятся к одной структуре, но являются самостоятельными, не подменяющими друг друга конструктами. Модель психического характеризуется возрастной и половой спецификой. У мужчин и женщин наблюдается различный характер взаимосвязей компонентов модели психического в разных возрастах [24].

В отличие от детского макиавеллизма, который в большей степени является когнитивным маркером понимания модели психического Другого и возможностей манипуляции с ним, макиавеллизм взрослых становится не столько когнитивным показателем, сколько личностной характеристикой. В возрасте 17–22 года и 25–30 лет макиавеллизм обнаруживает обратную связь с показателями, относящимися к пониманию эмоций, что согласуется с литературными данными [24–26], а в старшей возрастной группе (35–45 лет) он выступает как независимый от компонентов модели психического конструкт, начинает входить в структуру личностной организации [24].

Уровень понимания обмана сопряжен с возрастными-половыми характеристиками субъекта. С возрастом наблюдаются качественные изменения в отношении к обману: от абсолютного и однозначного к более тонкому, сложному и дифференцированному. Признание наличия/отсутствия обмана в молодом возрасте связано с его видом (высказанный или по умолчанию) и степенью близости с обманываемым человеком. В зрелом возрасте обман по умолчанию перестает восприниматься субъектом как обман, независимо от степени близости с обманываемым. Понимание высказанного обмана становится более неоднозначным по сравнению с молодым возрастом. По нашему мнению, факт снижения показателей по пониманию обмана с возрастом не означает, что у участников исследования снижается уровень понимания как таковой (когнитивный компонент) – с возрастом происходит изменение отношения к феномену обмана. Изменение отношения проявляется в допущении, что в жизни невозможно обойтись без обмана как средства достижения цели, пощады близких людей, продвижения по карьерной лестнице и т. д. Предположение о неразрывности понимания и отношения соответствует теоретическим воззрениям С.Л. Рубинштейна, Д.А. Леонтьева, В.В. Знакова [25, 27, 28].

Краткое изложение результатов наших исследований показывает, что обращение к новой исследовательской парадигме позволяет изменить представления о развитии житейской психологии, понять истоки способности понимать себя и Другого. Картины изменений в психологии развития, да и в целом представлений о природе обыденного сознания ярко демонстрируют современные зарубежные работы. Кратко перечислим наиболее значительные достижения в рамках парадигмы модели психического.

Результаты изучения модели психического в мировой науке

1. Исследования в 8 культурах (западных и восточных) демонстрируют универсальность перехода между 3 и 4 годами в понимании неверного мнения – ключевой задачи модели психического [29].

2. Модель психического у маленьких детей представлена значительно раньше – в начале 2-го года. Младенцы ожидают от других поведения, конгруэнтного собственным убеждениям, что происходит не на основе «чтения поведения», а на основе «чтения психического» [30].

3. Обобщены и сопоставлены исследования на глухих детях слышащих родителей и глухих детях, рожденных у глухих родителей. У глухих детей глухих родителей не нарушено развитие модели психического, а у глухих детей слышащих родителей отстает развитие речи и, как следствие, развитие модели психического [31].

4. Изучение «чтения психического» велось исключительно на детях. Только сейчас начинаются интенсивные исследования на взрослых людях, что требует разработки новых методов исследования. На сегодняшний день известно, что существуют две системы модели психического: одна требует усилий, а другая функционирует автоматически при взаимодействиях [32].

5. Доказательства специфики когнитивных и эмоциональных субсистем Theory of Mind получены при изучении эмпатии с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (fMRI). А. Перри и С. Шамай-Цури [33] разделили эмпатию на когнитивную и эмоциональную, выделив активность верхней фронтальной борозды как центральную для эмоциональной эмпатии и нижнего цингулярного кортекса – для когнитивной. Обе части тесно взаимосвязаны с амигдалой. Эти регионы перекрываются и имеют специфику при расстройствах аутистического характера, шизофрении и психопатии.

6. Изучение клинических групп, имеющих ключевой критерий психопатии – антисоциальные расстройства, демонстрирует дефицит эмоциональной эмпатии, но прекрасно развитую когнитивную эмпатию и модель психического. Такие люди манипулируют другими, мучают жертву, не испытывая при этом никакого эмоционального отклика на чужие страдания, хотя знают, что жертва думает, чувствует. В этом процессе ключевая роль принадлежит амигдале и префронтальной коре – регионам, которые отвечают за негативные эмоции: страх, злость, отчаяние. Это делает психопатов с дефицитом эмпатии зеркальным образом аутистов, которые также имеют когнитивную эмпатию, но не чувствительны к эмоциональной эмпатии [34].

7. Исследования подтвердили роль гонадных гормонов в пренатальном периоде, особенно значение тестостерона в дальнейшем социальном поведении, включая модель психического и эмпатию. Высокий уровень тестостерона связан с высокими показателями аутистических черт, измеренных двумя разными шкалами, но не с полом, как ранее полагали. Увеличение тестостерона соотносится со снижением социального и эмоционального уровня развития, тогда как окситоцин увеличивает их [35].

8. На современном этапе развитие знаний о модели психического привело к необходимому шагу – созданию теста на модель психического. Тесты на отдельные способности уже существуют и популярны среди исследователей (например, тест на «Неверное мнение», «Салли-Энн тест», «Чтение психического по глазам»). Но потребность в измерении разных способностей, составляющих модель психического, остается насущной задачей данного направления, и попытки создания такого теста для детей уже сделаны не только зарубежными

коллегами, но и нами. Тестовая батарея модели психического для дошкольников проходит апробацию [22].

Заключение

Задачей настоящей работы являлось теоретическое обоснование новой исследовательской парадигмы – модели психического, которая изменяет оптику изучения внутреннего мира и становится основой анализа житейской психологии. Она появилась на пересечении философии сознания, когнитивной психологии, сравнительной психологии, клинической психологии, психолингвистики. Для нее характерны принципы полипарадигмальности, обращение к субъективному опыту, герменевтическому подходу. В данной исследовательской парадигме пересекаются естественнонаучная и гуманитарная парадигмы; способности, входящие в модель психического, не только измеряются, но и рассматриваются в контексте нейропсихологии, патопсихологии, нейрофизиологии.

Модель психического является внутренней субъективной основой социального познания, раздвигающей его рамки в социальной психологии. Благодаря новому подходу становится ясным, почему дети в 3–4 года плохо понимают обман, рассогласования намерений и действий других людей, каким образом контекст включен в понимание эмоциональных состояний и как он необходим для понимания ментального мира других людей. Модель психического показала возможность анализировать внутренние механизмы социализации, а также продемонстрировала ограничения в понимании детьми рекламы как социального воздействия в зависимости от уровня развития.

Анализ модели психического у взрослых позволил разделить макиавеллизм на когнитивный и личностный, изучить динамику изменений понимания обмана и эмоциональных состояний. С помощью нейрофизиологического анализа были аргументированы две составляющие эмпатии: когнитивная и эмоциональная, что позволило объяснить, почему люди с определенными клиническими проблемами не способны к сопереживанию. Разделение модели психического на когнитивную и эмоциональную составляющие, имеющие различные мозговые механизмы, помогает выявить причины диссоциации в способности понимать ментальные и эмоциональные элементы психического. Ясно, что выделенные составляющие эмпатии и модели психического в целом тесно взаимосвязаны, но имеют свою специфику [36].

Все перечисленные примеры в совокупности с созданием оригинального методического обеспечения позволяют утверждать, что модель психического – новая исследовательская парадигма, не только меняющая «мерность» научного анализа и представляющая «голографическую картину» когнитивного развития человека, но и раскрывающая новые возможности для изучения внутреннего мира субъекта. Хотелось бы, чтобы данная парадигма привлекла к себе внимание и отечественных ученых как доказавшая свою высокую продуктивность в зарубежных исследованиях и наших работах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00025).

Summary

E.A. Sergienko. Theory of Mind as the New Research Paradigm in Cognitive Psychology.

The aim of this work is to validate the concepts of the theory of mind as a new research paradigm that allows to conceptualize the inner world of a person, opening the way to the study of everyday psychology. The origins of and predecessors for the development of a new approach in cognitive psychology are analyzed. The theory of mind can be assigned to the general scientific post-nonclassical type of paradigm. New research possibilities of studying the mental capacity to understand the world in children and adults are shown based on the author's own research in collaboration with colleagues and the latest results from the psychological world. The conclusion is made about the high productivity of the new paradigm, as well as its research capabilities in the study of the subjective world and social cognition.

Keywords: theory of mind, paradigms in psychology, post-nonclassical scientific paradigm, common psychology, conceptualization, subjective inner world.

Литература

1. Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. – М.: ИП РАН, 2012. – 467 с.
2. Гусельцева М.С. Парадигмы в психологии: историко-методологический анализ // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. – М.: ИП РАН, 2012. – С. 34–56.
3. Дорфман Л.Я. Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии. – М.: Смысл, 2005. – 287 с.
4. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. – М.: Юрайт, 2011. – 483 с.
5. Гусельцева М.С. Методологические кризисы и типы научной рациональности // Вопр. психологии. – 2006. – № 1. – С. 3–15.
6. Fodor J.A. Propositional attitudes // *Monist*. – 1978. – V. 61. – P. 501–523.
7. Sodian B. Theory of Mind – the case for conceptual development // Young children's cognitive development. Interrelationships among executive functioning, working memory, verbal ability, and Theory of Mind / Ed. by W. Schneider, R. Schumann-Hengsteler, B. Sodian. – Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Assoc. Publ., 2005. – P. 95–130.
8. Гибсон Дж.Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: Прогресс, 1988. – 462 с.
9. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
10. Сергиенко Е.А. Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе // Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. – М.: ИП РАН, 1998. – С. 133–162.
11. Leslie A.M. Pretense and representation: the origins of “Theory of Mind” // *Psychol. Rev.* – 1987. – V. 94, No 4. – P. 412–426.
12. Теория Пиаже // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии // Под ред. Л.Ф. Обуховой, Г.В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2001. – С. 106–157.
13. Stein N.L., Trabasso T. What's in a story: critical issue in comprehension and instruction // *Advances in instructional psychology* / Ed. by R. Glaser. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1982. – V. 2. – P. 213–267.
14. Flavell J.H. Development of children's knowledge about the mental world // *Int. J. Behav. Dev.* – 2000. – V. 24, No 1. – P. 15–23.

15. *Gelman S.A.* Psychological essentialism in children // *Trends Cogn. Sci.* – 2004. – V. 8, No 9. – P. 404–409.
16. *Kelemen D.* The scope of teleological thinking in preschool children // *Cognition.* – 1999. – V. 70, No 3. – P. 241–272.
17. *Goswami U.* *Cognitive Development. The learning brain.* – Hove: Psychology Press, 2008. – 457 p.
18. *Сергиенко Е.А.* Возвращение к Пиаже // *Психол. журн.* – 2008. – Т. 29, № 1. – С. 34–46.
19. *Андреева Г.М.* *Психология социального познания.* – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 239 с.
20. *Henry J.D., Phillips L.H., Ruffman T., Bailey P.E.* A meta-analytic review of age differences in theory of mind // *Psychol. Aging.* – 2013. – V. 28, No 3. – P. 826–839.
21. *Сергиенко Е.И., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. – М.: ИП РАН, 2009. – 414 с.
22. *Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience* / Ed. by S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – 520 p.
23. *Сергиенко Е.А., Таланова Н.Н., Лебедева Е.И.* Телевизионная реклама и дети. – М.: ИП РАН, 2013. – 183 с.
24. *Колесникова Н.И., Сергиенко Е.А.* Личностные аспекты понимания психического у взрослых // *Психол. исслед.* – 2010. – Т. 6, № 14. – URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2010п6-14/409-kolesnikova-sergienko14.html>, свободный.
25. *Знаков В.В.* *Психология понимания. Проблемы и перспективы.* – М.: ИП РАН, 2005. – 447 с.
26. *Barlow A., Qualter P., Stylianou M.* Relationships between Machiavellianism, emotional intelligence and theory of mind in children // *Pers. Individ. Differ.* – 2010. – V. 48, No 1. – P. 78–82.
27. *Рубинштейн С.Л.* *Основы общей психологии.* – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.
28. *Леонтьев Д.А.* Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // *Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра* / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – С. 134–147.
29. *Wellman H.M., Peterson C.C.* Theory of mind, development and deafness // *Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience* / Ed. by S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – P. 51–71.
30. *Baillargeon R., Scott R., He Z.* False-belief understanding in infants // *Trends Cogn. Sci.* – 2010. – V. 14, No 3. – P. 110–118.
31. *Pyers J., de Villiers P.A.* Theory of Mind in deaf children: illuminating the relative roles of language and executive functioning in the development of social cognition // *Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience* / Ed. by S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – P. 345–364.
32. *Apperly I.* Can theory of mind grow up? Mindreading in adults, and its implications for the development and neuroscience of mindreading // *Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience* / Ed. by S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – P. 72–92.
33. *Perry A., Shamay-Tsoory S.* Understanding emotional and cognitive empathy: a neuropsychological perspective // *Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience* / Ed. by S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – P. 178–195.

-
34. *Blair J., White S.F.* Social cognition in individuals with psychopathic tendencies // *Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience* / Ed. by S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – P. 345–363.
  35. *Auyeung B., Baron-Cohen S.* Prenatal and postnatal testosterone effects on human social and emotional behavior // *Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience* / Ed. by S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – P. 308–325.
  36. *Shamay-Tsoory S.G., Shur S., Barcai-Goodman L., Medlovich S., Harari H., Levkovitz Y.* Dissociation of cognitive from affective components of theory of mind in schizophrenia // *Psychiat. Res.* – 2007. – V. 149. – P. 11–23.

Поступила в редакцию
14.05.15

Сергиенко Елена Алексеевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии развития, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия.

E-mail: *Elenas13@mail.ru*